

ГРАНДМАСТЕР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРИЛЛЕРА

ГРАНД МАСТЕР

книги для искушенного читателя

**Издательство «ГрандМастер» входит
в холдинг «Эксмо» и самостоятельно
определяет редакционную политику.**

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть «настоящими мужчинами».

**В ближайшее время вас ждут новинки
в других сериях издательства «ГрандМастер»**

Один из лучших романов всемирно признанного автора детективов Питера Джеймса из его серии о Рое Грейсе – «Убийственно красиво»

Один из лучших остросюжетных романов 2014 года по версии журнала «Тайм» от Дэвида Шейфера

ДОТ
ХАТЧИСОН

РОЗЫ
МАЯ

ГРАНД МАСТЕР

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X25

Dot Hutchison
THE ROSES OF MAY

Text copyright © 2017 by Dot Hutchison. All rights reserved.
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбьшева*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбьшева*

Хатчисон, Дот.

X25 Розы мая / Дот Хатчисон ; [пер. с англ. С.Н. Самуйлова]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-090990-2

Продолжение бестселлера «Сад бабочек», буквально взорвавшего рейтинги «Амазона» и поставившего его автора в один ряд с такими мастерами жанра, как Томас Харрис, Джон Фаулз и Дэвид Болдаччи...

Он лучше, чем кто-либо, понимает, что такое совершенство невинной души. Это как совершенство цветка. Он преклоняется перед ним и охраняет его. Он трепетно относится к своим «цветам» — молодым и непорочным девушкам, которых видит вокруг себя. И страстно желает, чтобы они навсегда оставались безупречно чистыми, не запятанными грязью мира. Но понимает, что это — недостижимая мечта. И потому слово «навсегда» для него равнозначно слову «смерть»...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С.Н., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090990-2

*Опасным девушкам
с острыми, как бритва, улыбками*

Ее полное имя — Дарла Джин Кармайкл, и она — твоя первая.

Но, опять-таки, пока ты этого не знаешь.

Зато ты знаешь, что в этот чудесный весенний денек сам Бог, похоже, расстарался, чтобы сделать ее еще красивее. Она — воплощение невинной красоты, никакой искусственности или тщеславия; вот почему ты любишь ее так, как любишь. Ее сияющие блондинистые волосы струятся по плечам тяжелыми волнами, на ней вновь старомодное, белое пасхальное платье, кружевные перчатки и накрахмаленная кружевная шляпка. Видел ли ты что-нибудь столь цельное? Столь чистое?

Даже природа согласна сегодня с тобой. Трава по обе стороны голой, пыльной дорожки к церкви густо усыпана белыми и желтыми цветами жонкилии, которые как будто и не метили выше, чем равняться с Дарлой Джин. Даже маргаритки здесь только полевые, желтые и белые ромашки, хотя обычно они раскинуты по лугам бледно-лавандовыми лентами.

В этом году здесь только Дарла Джин.

Вот только... не только Дарла Джин.

Ее рука продета под руку молодого человека и лежит на изгибе его локтя, как будто там ей и поло-

жено быть, а это не так. Ее руке там не место, потому что он — не ты. Дарла Джин — твоя.

Всегда была твоей.

Необходимости говорить ей об этом не было; она всегда это знала, потому что вам предназначено быть вместе, что бы ни говорили, если б знали, другие.

Взбешенный, несчастный, ты следуешь за ними к кирпичной церквушке. На фоне буйства зелени и цвета она напоминает острие иглы.

Поток эмоций, будто пульсация еще одного сердца, отдается грохотом в ушах, но ты все же замечаешь и кое-что еще. В свободной руке молодой человек несет корзинку с вкусностями, которую ее мать попросила отнести в церковь; каждая сладость завернута отдельно и предназначена для продажи — приближается сезон бурь, и церкви требуется новая крыша.

Каждый раз, когда она смеется, он прижимается к ней.

Смеется она много.

Но этот звук — твой, как и все остальное — твое; и как только она посмела делить его с кем-то другим? Этот смех всегда успокаивает тебя, смягчает, отвлекает от гнева и ярости, которые неизменно тут, неизменно готовы всколыхнуться, взорваться... Сейчас, каждый раз, когда ты слышишь его — высокий и нежный, как звон ветряных колокольчиков на задней веранде, — острая боль пронзает грудь, отдаваясь пульсирующим эхом в твоей голове.

Они вместе входят в церковь, и ты теряешь пару минут, чтобы найти окно, через которое, оставаясь невидимым, ясно видишь их.

Даже не зная, что ты здесь, ей следует помнить, чем она обязана тебе и как должна вести себя.

В церкви сумрачно, внутри полно теней и полос после яркого солнечного света, поэтому ты не сразу понимаешь, что там происходит.

А потом до тебя доходит.

И ты видишь только кровь.

Он целует ее, или она целует его, оба наклонились друг к другу, но не прижимаются, и между ними фут пространства. Может быть, это его первый поцелуй.

Ее — точно первый, это ты знаешь.

Первый поцелуй, который должен был стать твоим, поцелуй, которого ты ждал все эти годы. Но ты лелеял ее и холил, зная, что она слишком чиста, слишком невинна, чтобы марать ее такими вещами.

Слишком чиста... Слишком невинна...

Ноги не держат, и ты оседаешь, сползаешь по кирпичной стене, цепляясь за ее неровности, обдирая кожу. Ты дрожишь; может быть, плачешь. Как она могла? Как могла так поступить с собой? С тобой?

Как могла так себя запятнать?

Теперь она жалкая, никудышная, презренная, как все другие шлюхи в мире, выставяющие напоказ свои тела, улыбки и жестокие, хитрые глаза.

Ты поклонялся бы ей до конца дней.

И все же ты любишь ее. Да и как иначе? Твоей любви вполне достаточно, чтобы спасти ее, даже если спасти нужно от нее самой.

Ты слышишь: парнишка уходит, бормоча извинения, — ему нужно помочь приготовиться братьям. Ты слышишь: пастор встречает Дарлу Джин благодарным приветствием и говорит, что ему нужно в город — купить чашки для лимонада. Она не против остаться одна? Ну конечно, не против. Она

же выросла в этой церкви. Это место всегда было безопасным. Она не представляет мир, в котором может быть иначе. Ты видишь: пастор уходит по тропинке, дальше и дальше. Ты слышишь: она напевает что-то.

Ее песни и твои тоже, но сейчас их больше никто не слышит.

Тыходишь, и она встречает тебя улыбкой и смехом, ее глаза сияют. Простодушными их уже не назовешь. Теперь — нет. Нет, потому что она потеряла невинность. Ты приближаешься, и улыбка на ее лице меркнет.

Ей еще хватает дерзости спросить, что не так.

Ты знаешь, времени у тебя немного — до города меньше двух миль, и пастор часто ходит туда и обратно пешком, — но его достаточно, чтобы преподать ей урок. Показать ей все.

Ты обещал, что всегда будешь с ней, всегда рядом.

Ты обещал ей весь мир.

Она выбросила этот мир.

И теперь она во всем виновата.

Ты уходил. Убегаешь. Но злость кипит, и боль от предательства еще не унялась.

Дарла Джин осталась в церкви, распростертая на каменном полу; ее разорванное в клочья пасхальное платье мокнет в луже крови. Цветы жонкилии, которые ты собрал для нее, — подарок! И посмотри, что она сделала с ним — разбросаны вокруг... Глаза широко открыты и пусты, эхо смятения и растерянности; а еще ты одарил ее рваной улыбкой — пусть поделится с миром, если пожелает.

Она не может больше ни смеяться, ни петь, не может пачкать то, что принадлежит тебе.

Она ничего больше не может. Может быть, ты не хотел этого. Может быть, твой охотничий

*нож сам выскользнул и порезал слишком глубоко.
Может быть, ты забыл, что под кожей слишком
много крови. Может быть, ты сделал именно то,
что хотел.*

В конце концов, она всего лишь илюха.

Теперь Дарла Джин мертва.

Ты не знал, что она станет твоей первой.

Ты еще не знаешь, что она не будет и последней.

■ Февраль

Бумажная работа, если не следить за ней должным образом, множится в геометрической прогрессии, как кролики и проволочные вешалки. Хмуρο взирая на новые стопки документов на своем письменном столе, специальный агент Брэндон Эддисон представил, не удержавшись от соблазна, как бы они выглядели на костре. Чиркнуть спичкой или щелкнуть зажигалкой, поднести огонек к уголку странички где-нибудь в середине, чтобы схватилось ровно и аккуратно, — и все кончено, никаких бумаг.

— Если подождешь, их отпечатают заново, и ты получишь все то же, да еще бумагу о пожаре, — произносит справа от него смеющийся голос.

— Заткнись, Рамирес, — вздыхает он.

Мерседес Рамирес — его напарница и друг — снова смеется, откидывается на спинку стула и вытягивается в длинную, слегка изогнутую линию. Стул протестующе скрипит. Ее стол завален бумагами. Они не в стопках, а просто расплзлись. Если попросить ее найти какую-то конкретную информацию, она отыщет ее меньше чем за минуту. Как у нее получается такое, Брэндон не понимает.

В углу, лицом к столам этих двоих, обосновался их старший напарник, старший специаль-

ный агент Виктор Хановериан. Вид его стола вызывает у Эддисона отвращение и изумление: все бумаги рассортированы и разложены по разноцветным папкам. Как у руководителя этой неустрашимой троицы, документов у Вика больше, чем у остальных, и он всегда разбирается с ними первым. Вот что делают с человеком тридцать лет службы в Бюро, размышляет Эддисон, и это мысль повергает его в ужас.

Он снова смотрит на свой стол, на самую свежую стопку и, ворча, тянется к верхним страницам. У него своя система, которая также сбивает с толку Рамирес, как и ее система раздражает его, — и вот теперь, несмотря на высоту стопки, документы в короткое время разлетаются по соответствующим столбцам на задней линии стола, распределенные в зависимости от темы и приоритета. Теперь они аккуратно выровнены по краю и углам при равномерном чередовании портретов и ландшафтов.

— Наш милый доктор не беседовал с тобой об этом? — спрашивает Рамирес. — А насчет твоих «Скорая» еще не прилетала?

Она фыркает и поворачивается к своему столу. Было бы мило, если б, пусть изредка, Рамирес попадалась на удочку. Назвать ее хладнокровной и невозмутимой нельзя, но на поддразнивания она почему-то не реагирует.

— Между прочим, где Вик?

— На даче показаний; его Блисс попросила приехать.

Не стоит ли указать ей на то, что и теперь, через три с половиной месяца после того, как они спасли выживших девушек из горящего Сада, она все еще пользуется именами Бабочек, теми

именами, которые дал своим жертвам похититель¹?

Он не указывает. Наверное, Мерседес и без него это замечает. Работа легче, по большей части, если разложить все по аккуратным коробочкам в мозгу, а вот кем были девушки до того, как их похитили, это систематизировать труднее.

Пора браться за дело. Сегодня день работы с документацией, и он поставил цель: по крайней мере одна из этих груд должна исчезнуть. Взгляд падает на пеструю башню из папок, обитающую на правом заднем углу стола и растущую год от года. Папок больше — ответов нет. Эта кipa не исчезнет никогда.

Эддисон откидывается на спинку стула и смотрит две фотографии в рамках, стоящие на приземистом картотечном шкафу, в котором хранятся теперь запасы канцелярских принадлежностей, формуляров и бланков. На одной фотографии они с сестрой на каком-то давнем Хеллоуине, незадолго до того, как ее похитили на улице, по пути домой из школы. Ей тогда едва исполнилось восемь. Логика здравого смысла говорит, что она должна быть мертва. Прошло двадцать лет, но он до сих пор ловит себя на том, что присматривается к каждой женщине около тридцати, которая чем-то напоминает сестру. Надежда — странная и переменчивая штука.

Но такой же, странной и переменчивой, была и Фейт в те времена, когда являлась его сестрой, а не статистической единицей «пропавший ребенок».

Другая фотография поновее, ей всего пара лет, и она — своего рода сувенир, напоминание о самой

¹ Здесь и далее: события, предшествующие повествованию данной книги, подробно описаны в романе Д. Хатчисон «Сад бабочек».

волнительной и неожиданной поездке, которая не подразумевала работу. В те шесть, или около того, месяцев, что они жили в округе Колумбия, Прия и ее мать несколько раз вытаскивали его на странные экскурсии, но именно та прогулка оказалась абсолютно кошмарной. Эддисон даже не помнил толком, как они оказались на поле, заставленном массивными президентскими бюстами. Так или иначе, они там оказались, и в какой-то момент он и Прия забрались на плечи Линкольну, привлеченные огромной дырой в затылке статуи. Реалистично? Да. Намеренно? Судя по прискорбному состоянию остальных двадцатифутовых бюстов... нет, не очень. От того дня сохранились и другие снимки — надежно упрятанные в коробку из-под обуви в гардеробе, — но этот до сих пор его любимый. Не из-за изуродованного бюста убитого президента, а по причине такого неожиданного для самой Прии явления, как усмешка на ее лице.

Ему еще не случалось видеть, чтобы она улыбалась просто так, без какой-то мысли. Та Прия разбилась за несколько дней до того, как он встретил девушку, выросшую из обломков. Прия, которую он знает, вся из острых краев, ворчания и улыбок, которые хлещут тебя по лицу, словно вызов. Все, что беззлобнее, добрее, — это случайность. Ее мать, может быть, еще видит что-то от бывлой мягкости, но больше никто — после того, как от сестры Прии остались фотографии и факты в одной из цветных папок на заднем углу его рабочего стола.

Эддисон почти наверняка уверен, что никогда не подружился бы с прежней Прией. Ему до сих пор с трудом верится, что он дружит с нынешней. Ей следовало бы оставаться всего лишь сестрой жертвы, свидетельницы, объектом жалости, и никем не бо-